

А. Т. Ахатов, И. И. Бахшиев, А. И. Тузбеков

**РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ
НОВЫХ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ЮЖНОГО УРАЛА**

УДК 902(470.5)

ББК63.4 - 427.2

В статье рассматривается процесс образования на Южном Урале новых сакральных пространств вокруг объектов археологического наследия. Отмечаются особенности восприятия сакрализации археологических памятников этнографами, археологами и культурологами, по-разному воспринимающими данный процесс. По материалам полевых исследований 2012–2015 гг. выделены отдельные сакральные локусы, сформировавшиеся в последнее десятилетие на территории Республики Башкортостан. Ключевой моделью сакрализации археологических памятников остается традиционный культ могилы святого — аулия — с различными модификациями. Наиболее выраженным является культ могилы воина-защитника. Региональная специфика описываемых процессов заключается в следующем: стихийность формирования сакрального объекта; конструирование искусственных, заведомо ложных представлений, поддерживаемых мусульманским духовенством, а нередко и властными структурами; базовым проводником этих процессов часто выступают маргинальные религиозные объединения (так называемые секты).

Ключевые слова: *Южный Урал, сакрализация, археологические памятники*

Археологические памятники являются неотъемлемыми элементами историко-культурных природных ландшафтов и до настоящего времени продолжают занимать важное место в обрядовой практике населения Южного Урала. Элементы сакрализации отдельных мест исследователи обнаруживают уже у первобытных обществ: под воздействием сверхъестественных сил в представлении людей освящалось определенное место, которое в дальнейшем преобразовывалось в культовое, наделялось сакральным смыслом и выделялось в отдельную территорию. Существование подобных пространств было обусловлено потребностью в реализации духовных представлений человека и играло очень важную роль

в мировосприятии людей. Сакральные объекты и пространства сохраняли преемственность, и каждая новая этническая группа, осваивающая территорию, сооружала на них собственные храмово-ритуальные комплексы,¹ интерпретируя их в рамках своих духовных воззрений, включала их в собственные религиозные представления, «наслаивая» свой культурный текст поверх предыдущего, не разрушая, а дополняя его. Примерами подобных объектов на Урале являются святилище Камень Дыроватый на реке Чусовой в Свердловской области,² гора-святилище Тура-тау в Ишимбайском районе Республики Башкортостан, пещера-святилище Шульган-Таш в Бурзянском районе Республики Башкортостан и др.

Между тем археологические сюжеты в формировании новых сакральных пространств и объектов на территории Республики Башкортостан в последние годы проявляются все чаще, хотя археологический фактор в развитии этих процессов отнюдь не определяющий.

Археологи Института этнологических исследований (далее — ИЭИ) им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН в 2012–2015 гг. зафиксировали участвовавшие случаи сакрализации археологических объектов и пространств вокруг них,

Ахатов Альберт Тагирович — к.и.н., н.с. отдела археологического наследия Южного Урала, Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева УНЦ РАН (г. Уфа)
E-mail: bertik@mail.ru

Бахшиев Илшат Интизам оглы — к.и.н., заведующий отделом археологического наследия Южного Урала, Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева УНЦ РАН (г. Уфа)
E-mail: ibahsh@gmail.com

Тузбеков Айну́р Ильфатович — к.и.н., н.с. отдела археологического наследия Южного Урала, Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева УНЦ РАН (г. Уфа)
E-mail: tuzbek.80@mail.ru

¹ См.: Жерносенко И. А., Батурина М. М. Комплексные исследования священных объектов Каракольской долины // Karadeniz-Black Sea—Черное море (Турция). 2013. № 20. С. 128–148.

² См.: Сериков Ю. Б. Камень Дыроватый — уникальное пещерное святилище на р. Чусовой // РА. 1996. № 4. С. 134–135.

ранее не используемых в качестве культовых. К признакам сакрализации можно отнести обнаружение на археологических объектах (погребальных, в редких случаях поселенческих) современных монет; установку каменных пирамидок (*обо*), ориентирующих объект на Каабу; разноцветные куски материи; мыло; оборудование изгороди; сооружение каменной выкладки; смазанную маслом поверхность выкладок; установку табличек и стел с надписью «*аулия*» и т. д. Если в предыдущие периоды в оформлении сакральных пространств была определенная преемственность, сохраняющаяся в памяти местного населения, то в постиндустриальный период определяющей чертой становится стихийность формирования новых сакральных объектов/пространств и выделяются иные причины их формирования.

Российские и зарубежные исследователи, повсеместно фиксируя активное формирование на рубеже XX и XXI вв. новых сакральных пространств, в особенности вокруг археологических памятников, все больше задаются вопросом о причинах их возникновения. Подобные явления представляют интерес для ученых различных научных специальностей — археологов, этнографов, культурологов.

Археологи, изучая подобные памятники, прежде всего видят в них объект историко-культурного наследия, интерпретируемый исследователями других специальностей и населением как сакральный объект. Доказывают надуманность и несостоятельность мифов, формирующихся в последние десятилетия вокруг археологических объектов.

Основной комплекс проблем, сопутствующих этим процессам, описывается в статье А. А. Тишкина. Автор на двух примерах рассматривает особенности формирования новых сакральных пространств на археологических памятниках. В первом случае описывается ситуация, возникшая после раскопок на плато Укок. Исследователем отмечается, что раскопки, пришедшиеся на период роста национального самосознания алтайских народов, стали причиной возрождения старых мировоззренческих традиций и возникновения новых, что положило начало процессу активной сакрализации пространств вокруг археологических памятников. Второй пример — археологический памятник Налингаоту в провинции Шэньси (г. Сиань, КНР). Местным населением во время строительных работ были обна-

ружены предметы, относящиеся к древности. В результате интерпретации этих предметов в рамках собственного мировоззрения жители провинции на месте находок воздвигли буддийский храм «Хэй лун цзян цзюнь» в честь праотца (героя-кочевника).³

Н. С. Савельев, рассматривая малые культовые объекты Башкирского Зауралья, проводит их типологизацию и описывает наиболее распространенные случаи включения древних курганов в ритуальную сферу современного населения региона.⁴ Проблема формирования неомифологии вокруг укрепленного поселения Аркаим на Южном Урале неоднократно становилась объектом исследования. Отечественные ученые описывают процессы оформления новых «святых мест» вблизи археологического объекта и предпосылки для начала их формирования.⁵

Среди зарубежных публикаций выделим статью португальского исследователя А. Виейры, раскрывающей особенности сакрализации католической церковью археологических памятников провинций Траз-уж-Мо'нтиш и Алту-До'ру. На примере нескольких церквей, часовен, молельных мест, сооруженных на месте языческих храмов и археологических объектов, относящихся к раннему железному веку и средневековью, определена последовательность сакрализации археологических памятников путем превращения их в культовые объекты католической церкви. Приводятся факты «переформатирования» церковью языческих сакральных пространств в христианские.⁶

В статье Ю. Лесковар описывается движение неоязычников в Западной Европе, пытающихся возродить «религию предков». Члены этого движения активно используют древние

³ См.: Тишкин А. А. Современная сакрализация археологических памятников в Центральной Азии // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы междунар. конф. Владивосток, 2012. С. 398–407.

⁴ См.: Савельев Н. С. Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Уфа, 2012. С. 128–166.

⁵ См.: Археология в современной культуре России (региональные аспекты): «круглый стол», п. Аркаим, 22–23 августа 2007 г.: материалы заседаний. Челябинск, 2008; Куприянова Е. В. Заповедник «Аркаим» и проблемы популяризации археологии на Южном Урале // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2014. № 12 (341). История. Вып. 60. С. 22–29; Петров Ф. Н. Поселение Аркаим в научной и научно-популярной литературе // РА. 2015. № 2. С. 167–176.

⁶ См.: Vieira A. Christian religious landscape and earlier archaeological evidence in Trás-os-Montes e Alto Douro (Portugal) // Journal of Iberian Archaeology. ADECAP. 2009. Vol. 12. P. 42–54.

тексты и накладывают их на известные археологические памятники, совершенно вольно интерпретируя археологические исследования и попутно обвиняя археологов в сокрытии «истинных» знаний об исследуемом объекте.⁷

Этнографы при изучении сформировавшихся сакральных пространств на археологических объектах прежде всего интересуют историей, принципы формирования объекта и формы его использования современным населением. Ученые детально характеризуют «святое» место, фиксируют легенды и предания о его возникновении, существующие современные обряды.

Из общего массива публикаций выделяется монография С. А. Штыркова, посвященная культу «забудущих родителей» — почитание древних погребальных памятников в Новгородской, Тверской и Ленинградской областях.⁸ Интерес представляет и статья А. Г. Селезнева, в которой рассматриваются исламские святилища тоболо-иртышских татар (*астана*), сформировавшиеся, в частности вблизи археологических объектов. При изучении новых сакральных пространств он предлагает использовать методологические принципы, разрабатываемые в относительно новом направлении антропологического культурологического знания — в иеротопии. По мнению автора, данные методы, во-первых, открывают возможности широкого источниковедческого и дисциплинарного синтеза, комплексного использования разнообразных данных в рамках единой проблемы изучения сакрального пространства. Во-вторых, позволяют ставить вопрос о типологическом соответствии иеротопий, характерных для традиционного и современного общества; в-третьих, открывают дополнительные перспективы рассмотрения сакрального пространства в качестве важного фактора формирования национальной и культурной идентичности, реализующейся в данном случае в усилении влияния как самих исламских святилищ, так и представителей религиозной элиты, с ними связанных.⁹

⁷ См.: Leskovar J. Neopaganism, archaeological content and the belief in "Celts" // *Appropriate narratives: Archaeologists, publics and stories*. Budapest, 2013. P. 185–199.

⁸ См.: Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012.

⁹ См.: Селезнев А. Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. 2013. № 2 (21). С. 111–119.

В ряде работ, посвященных «народному исламу» на Южном Урале, описаны существующие или существовавшие в недалеком прошлом верования, обряды, легенды и предания, связанные с отдельными археологическими объектами (курганами, культовыми камнями).¹⁰

Большинство работ культурологов содержит характеристику различных видов восприятия археологических памятников в настоящее время. В частности, в диссертационном исследовании В. М. Андреева на основе анализа разнообразных источников (СМИ, Интернет-ресурсы, результаты включенного наблюдения) описываются процессы восприятия современным населением археологических объектов и причины формирования сакральных представлений связанных с памятниками археологии.¹¹

С. Ю. Каменский, рассматривая вопросы актуализации археологического наследия в настоящее время, указывает на приоритет в коммеморативной его интерпретации национального, или этнического, фактора. По его мнению, любая этнонационалистическая модель строится на утверждении о необычайной древности (если не исконности) своей этнической культуры и языка, а также об исконности занимаемой ныне территории. В этом плане особая ценность придается археологическим памятникам в контексте формирования современных этногенетических мифов.¹²

В своей статье Н. А. Белолипецкая рассматривает посетителей музейного комплекса поселения Аркаим с точки зрения их представлений и выделяет категорию людей, приезжающих на археологический памятник в качестве паломников. В общих чертах в работе охарактеризованы их представления и описаны проводимые обряды. Увеличение этой группы туристов автор объясняет дезориентацией современного

¹⁰ См.: Абсалямова Ю. А. Дождевые камни башкир // *Сб. материалов I Междунар. конгр. «Пространство этноса в современном мире»* 29–31 октября 2014 года. Грозный, 2014. С. 155–158; Хасанова З. Ф. Атрибуты доисламских верований в быту и хозяйственной деятельности башкир Белорецкого района Республики Башкортостан // *Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: сб. материалов IV Междунар. симпозиума / отв. ред. Р. Ф. Талипов*. Уфа, 2010. С. 269–272; Аминев З. Г. Абдулкадир Инан о камне яда и об обрядах вызывания дождя // *Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии. (К 100-летию со дня рождения): материалы Всерос. научн.-практ. конф. (с междунар. участием)*. Уфа, 2014. С. 249–251.

¹¹ См.: Андреев В. М. Археологический памятник в современном культурном пространстве: культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2014.

¹² См.: Каменский С. Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009.

российского общества, направленного на простоту и доступность восприятия, стремящегося скрыться от повседневности в поисках «духовных» истин.¹³

В. Е. Силина, проведя анкетирование среди посетителей историко-культурного заповедника «Аркаим» и исследовав их пожелания, оставленные у памятника, пришла к сходным выводам. Так, активное создание «святых мест» рядом с археологическим объектом, считает исследователь, обусловлено состоянием и потребностями современного общества, отсутствием у отдельных групп населения материального благополучия, успеха и их нежеланием приложить к достижению поставленных целей хоть какие-либо усилия, а сакрализация пространства — одна из форм преодоления этих трудностей. Сакрализованные объекты (памятники археологии) становятся неким брендом, используемым нетрадиционными религиозными организациями для привлечения новых членов.¹⁴

Даже беглый обзор литературы показывает «точечное» восприятие авторами процессов сакрализации археологических объектов (один объект — одно сакральное пространство), наиболее известные из которых Аркаим, «принцесса» Укока, дольмены Краснодарского края, Окуневский комплекс.¹⁵ Между тем материалы с территории Башкортостана указывают на то, что процессы сакрализации пространства вокруг археологических памятников — явление не частное, а широко распространенное, включающее с каждым годом все большее количество объектов. Только на территории Республики Башкортостан в 2014 г. сотрудниками ИЭИ УНЦ РАН зафиксировано 113 археологических памятников, являющихся местами паломничества мусульман. Более 70 % находится в восточных предгорьях хребта Уралтау и лесостепном Приуралье. Они располагаются в основном на возвышенностях и сопках на расстоянии от 1 до 5 км от населенных пунктов, основанных не позднее XIX в., преимущественно с башкир-

ским населением. Наиболее посещаемые из них находятся на вершинах одиноких гор или возвышенностей. Анализ непосредственно самих объектов показывает, что в большинстве случаев сакрализации подвергаются каменные курганы, курганные могильники и каменные выкладки диаметром от 2,5 до 7 м.

Ниже приводятся достаточно универсальные модели сакрализации археологических объектов на территории Башкирии. В качестве примеров выступают наиболее известные памятники, ставшие объектами поклонения недавно либо привлекающие наибольшее количество паломников.

Модель А. Аулия. Культ святых. Объекты почитания и паломничества, связанные с культом святых (*аулия*), широко распространены по всей территории Южного Урала. При этом часть элементов почитания или целые комплексы связаны с памятниками археологии. Приведем сведения лишь о двух объектах — Ильчигуловском IV курганном могильнике и одиночном кургане Сураманово-1. На обоих некрополях зафиксированы идентичные процессы стихийной сакрализации, характеризующие динамику формирования новых сакральных пространств в Башкортостане в последнее десятилетие.

Ильчигуловский IV могильник расположен на площадке возвышенного сырта горы Нарыс-тау Миякинского района Республики Башкортостан, восточнее «святого ключа», протекающего у подножия горы. Памятник был исследован в XIX в. антропологом Н. М. Малиевым и в 1986 г. Г. Н. Гарустовичем. Во время раскопок было вскрыто две выкладки одна из которых оказалась пустой, а под выкладкой 2 обнаружено погребение кочевника раннемусульманского времени (XIV–XV вв.).¹⁶

Косвенным подтверждением этих данных является сюжетная линия башкирского эпоса «Идукай и Мурадым», датируемого концом XIV — началом XV вв., где прилегающая к горе Нарыс-тау территория определяется как место захоронения главных героев: «Покончив с войной, наконец / Меч отер он, лицо омыл, / Вновь остался у тех мест, / Где могила Идукая с Ынье / Находилась у горы Нарыс».¹⁷

¹³ См.: Белоплицкая Н. А. Заповедник Аркаим: особенности взаимоотношений музея и общества // ЭО. 2010. № 4. С. 69–77.

¹⁴ См.: Силина В. Е. Культурная деятельность нетрадиционных религиозных движений на территории заповедника «Аркаим» // Религиозное многообразие Уральского региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2014. С. 211–223.

¹⁵ См.: Андреева Ю. О. «Места силы», «духи дольменов» и «знания первоистоков»: археологические памятники и движение New Age «Анастасия» // ЭО. 2014. № 5. С. 73–87; Михайлов Д. А. Алтайский национализм и археология // ЭО. 2013. № 1. С. 37–51; Шнирельман В. А. Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим // ЭО. 2014. № 5. С. 19–40.

¹⁶ См.: Гарустович Г. Н. Особенности распространения ислама среди башкир в эпоху средневековья // Уфим. археол. вестн. 2013. Вып. 13. С. 141–142.

¹⁷ Идукай и Мурадым // Башкирское народное творчество. Т. 10: Исторический эпос. Уфа, 1999. С. 186.

По сведениям местных жителей, до 1960-х гг. здесь наблюдались лишь немногочисленные паломники, приходившие к выкладкам и «святому ключу». Впоследствии объект теряет свою значимость, и уже в отчете Г. Н. Гарустовича указывается на использование территории «святого источника» для охлаждения мяса. Сведения же о захоронении на горе мусульманских святых, а тем более сахабов (сподвижников пророка Мухаммеда) отсутствовали.

Активный поиск могил сподвижников пророка в Волго-Урале на рубеже XX и XXI вв. связан с популярностью спорных идей Хисам ад-Дина бин Шарафа ад-Дина аль-Булгари и Тадж ад-Дина Ялсыгула аль-Башкурди, работы которых резко критиковались как нетрадиционалистами Ш. Марджани и Р. Фахретдиновым, так и М. А. Усмановым.¹⁸ В 2010 г. гора Нарыс-тау определена как место захоронения сахабов шейхом из суфийского ордена Накшибандия Мухаммадом Назимом Хаккани (Турецкая Республика, Северный Кипр). При всей необоснованности этих заявлений в региональных СМИ появляется информация об обнаружении места захоронения сахабов, и на территории могильника начинается активное строительство. В 2011 г. над «пустой» выкладкой 1 сооружается памятник с указанием имен двух сподвижников пророка — Зубейр ибн Зейд и Абдуррахман ибн Зубейра и куполообразное сооружение, а над выкладкой 2 — только куполообразное сооружение. В 2012 г. у подножья горы строится мечеть, приуроченная к памятникам (см. цв. вклейку).

Одинокый курган Сураманово-1 находится севернее деревни Сураманово (Учалинский район Республики Башкортостан). В XIX–XX вв. курган использовался местными жителями как место исцеления заболеваний мочеполовой системы домашних животных. Хозяева водили своих животных, в основном лошадей, вокруг насыпи, руководствуясь представлением о том, что благодаря духам происходил процесс выздоровления. Уже в 1990-х гг. население близлежащих деревень (Сураманово, Малоказаккулово) начало называть курган «*аулия кабере*», ассоциируя его с захоронением здесь в древности святого человека. Место было облагорожено: установле-

на деревянная оградка вокруг кургана. Люди, оказавшись в тяжелой жизненной ситуации, веря в сакральность захоронения, идут к кургану и обращаются с мольбами к Аллаху, стоя спиной к Каабе.

Модель А1. Аулия. Культ воинов-покровителей. Примером культа почитания воина-защитника служат курганные некрополи у деревни Москово (Учалинский район) — известные Кантубинские II курганы, частично исследованные Н. А. Мажитовым в 1965 г., содержавшие захоронения эпохи бронзы и XV–XVIII вв.¹⁹ В представлениях местного населения покоящийся в исследованном кургане легендарный воин издревле помогал местным жителям отражать вражеские набеги. По первому призыву, сопровождавшемуся определенным ритуалом, воин принимал участие в сражениях и обеспечивал победу над врагами. По мнению местных жителей, археолог, раскопав курган, лишил их защиты и покровительства сверхъестественных сил. Посещение курганов прекратилось после потери сакральной основы.

Сходная легенда о воинах-защитниках была зафиксирована в ходе обследования ранее неизвестного курганного некрополя Калусово-1 (Учалинский район). Жители д. Калусово отмечали важную роль сакрального могильника в увековечивании памяти предков. Посещение возвышенности, на которой находятся курганы, стало неотъемлемой частью большинства мусульманских праздников. Интересен факт трансформации представлений об объекте. Так, если среди старшего поколения достаточно четко фиксируется представление о сакральности именно курганов, то представители среднего возраста ассоциируют с культовым местом всю гору.²⁰

Аналогичные представления зафиксированы и у жителей деревни Верхнее Сазово (Кугарчинский район Республики Башкортостан). Расположенные близ деревни курганы воспринимаются местными жителями как

¹⁸ См.: Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиснаме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. Казань, 1972. С. 134–166.

¹⁹ См.: Археологическая карта Башкирии. М., 1976. № 2020; Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996. № 336; Морозов Ю. А. Научный отчет об археологических работах в Башкирском Зауралье в 1991 г. Уфа, 1991. Архив ИЭИ УНЦ РАН. А/АО/1-77.

²⁰ См.: Тузбеков А. И., Бахшиев И. И. Объекты археологического наследия Башкирского Зауралья в современной ритуальной практике юго-восточных башкир // Ислам и государство в России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 225-летию Центрального духовного управления мусульман России — Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа, 22 октября 2013 г. Уфа, 2013. С. 99–102.

охранительные объекты, защищавшие население от невзгод: в случае возникновения реальной военной угрозы войны, погребенные в курганах, должны были отразить нападение.²¹

*Модель Б. Камни поклонения.*²² Культурные камни «Йяй таш» (башк. «летний камень», «камень лета»), расположенные на ровной площадке распаханного водораздела рек Белой и Зилима, северо-восточнее деревни Зириково (Гафурийский район Республики Башкортостан). Объект представляет собой небольшую заросшую травой огороженную забором возвышенность, на поверхности которой на расстоянии 1,4 м друг от друга лежат два камня (первый — «Бабай таш/Атай таш» (камень дедушка/камень отец), второй — «Абий таш/Инэй таш» (камень бабушка/камень мать), длинной осью вытянутые по линии юго-восток—северо-запад.²³ На лицевой стороне, обращенной кверху, следов искусственной обработки на обоих камнях не зафиксировано, однако есть небольшие отверстия природного происхождения, в которые люди вкладывают в качестве пожертвования монеты (хаер). Датировка и культурная принадлежность данного памятника не установлены.

В настоящее время «Йяй таш» в качестве так называемых дождевых камней являются объектами метеорологической магии, с помощью которых население проводит ритуалы вызывания (прекращения) дождя, путем обливания их водой или смазывания маслом.

Следующий археологический памятник рассматриваемой модели — Кромлех Ахуново (Учалинский район). Объект зафиксирован в 1996 г. этнографической экспедицией Челябинского государственного университета, а в 2002–2003 гг. исследовался археологической экспедицией историко-культурного заповедника «Аркаим» (рук. Ф. Н. Петров).²⁴ Мегали-

тический комплекс включал в себя 13 менгиров, два из которых (№ 1, 2) расположены в центральной части комплекса на расстоянии 15 м друг от друга по линии север–юг. Оставшиеся менгиры расположены по окружности с центром в 5 м к востоку от центральной точки условной линии, соединяющей менгиры 1 и 2. В ходе археологических исследований выявлена принадлежность комплекса менгиров и находящегося поблизости поселения к межовской и черкаскульской археологическим культурам, которые датируются XV–XII вв. до н. э.

Проведенные А. К. Кирилловым и Т. М. Потемкиной археоастрономические исследования позволяют предположить, что Кромлех Ахуново мог использоваться в древности в качестве астрономического комплекса.²⁵ Со слов информаторов, задолго до археологических исследований менгиры почитались местным населением как святое место. После раскопок территория памятника была огорожена.

В ночь на 24 октября 2010 г. неизвестными 5 менгиров были разрушены. Их фрагменты были выложены в виде перевернутого креста, в месте пересечения линий которого и расположен центральный менгир 1. Восточнее него, в условном центре площадки памятника, была начерчена пентаграмма, на концах пяти ее лучей располагались окружности. На некоторых фрагментах разрушенных менгиров фиксировались следы крови, что является, возможно, свидетельством жертвоприношений.²⁶ Полагаем, что факт разрушения археологического объекта, сопровождаемый ритуальными действиями, был направлен в первую очередь на так называемую десакрализацию объекта. Сам подход неоригинален, и примеров трансформации и/или уничтожения предмета/формы сакрального объекта в истории множество: это и «разграбление» могил, и уничтожение или перестройка храмов, и вырубка священных рощ и пр.

В настоящее время силами местных жителей разрушенные менгиры восстановлены,

²¹ Культ воинов-защитников, погребенных в курганах, достаточно широко распространен в южных и юго-восточных районах Республики Башкортостан, особенно у жителей населенных пунктов, близ которых расположены хорошо выраженные в рельефе курганные насыпи и/или естественные возвышенности их напоминающие.

²² Более подробно об использовании камня в современной ритуальной практике башкир см.: Тузбеков А. И. Камни в ритуальной практике тюркского населения Южного Урала // Вестн. Перм. ун-та. История. 2015. Вып. 1 (28). С. 151–157.

²³ См.: Воробьева С. Л. Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Гафурийском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 995 от 01.08.2013 г. Уфа, 2014. Архив ГБУК НПЦ Министерства культуры Республики Башкортостан. С. 7.

²⁴ См.: Петров Ф. Н. Отчет о раскопках на мегалитическом комплексе Ахуново и поселении Ахуново в 2003 г. Челябинск, 2008. Архив ГБУК НПЦ Министерства культуры Рес-

публики Башкортостан; Петров Ф. Н., Кириллов А. К. Исследования мегалитического комплекса Ахуново в 2003 г. // Уфим. археол. вестн. 2007. Вып. 6–7. С. 19–23.

²⁵ См.: Петров Ф. Н., Кириллов А. К. Указ. соч. С. 21, 22; Потемкина Т. М. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 27, рис. 10.

²⁶ См.: Бахшиев И. И., Рафикова Я. В., Бахшиева И. Р. Отчет об итогах осмотра состояния памятников археологии «Мегалитический комплекс Ахуново» и «Поселение Ахуново» в Учалинском районе Республики Башкортостан (краткая характеристика и предложения). Уфа, 2010. Архив ГБУК НПЦ Министерства культуры Республики Башкортостан.

прилегающая к площадке памятника территория превращена в рекреационную зону. По мусульманским праздникам у менгиров производятся коллективные моления. Если раньше мегалитический комплекс представлял собой некий региональный, даже местечковый, сакральный центр, то с увеличением потока туристов к «башкирскому Стоунхенджу» археологический памятник стал «местом силы» для представителей различных этно-конфессиональных групп всего Южного Урала.

Модель С. Мавзолеи. Новые/старые аулия. Мавзолей Хусейн-бека расположен на восточной окраине поселка Чишмы на территории мусульманского кладбища «Акзиарат» (Чишминский район Республики Башкортостан). Памятник датируется XIV–XV вв. Первое упоминание о нем относится к XVIII в. В 1985 г. Г. Н. Гарустовичем в мавзолее проведены раскопки.²⁷ Судя по сохранившейся надмогильной надписи, мавзолей сооружен над захоронением некоего Хусейн-бека, вероятно одного из активных проповедников мусульманской религии среди башкир. Возвышающееся в настоящее время прямоугольное сооружение размером 8,5 × 8,5 м с купольной крышей не имеет ничего общего с первоначальной формой мавзолея. Оно воздвигнуто в 1911 г. по распоряжению уфимского муфтия на месте развалин первоначального мавзолея, который, судя по описаниям краеведов XIX в., по форме был аналогичным мавзолею Тура-хана.²⁸

Восстановление мавзолея дает основание предполагать, что вплоть до XX в. объект являлся одним из наиболее почитаемых мест мусульман Южного Урала. Этот факт подтверждается сведениями докладной уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БАССР, представленной в 1958 г. в Совет по делам религиозных культов СССР. В ней сообщалось о том, что «в дореволюционный период паломничество “зиарата” Хусаин-бека принимало массовый характер, а за последние годы приток паломников в “зиараты” Хусаин-бека и “Батыра” значительно сократился, верующие мусульмане окрестных деревень посещают их группами и в одиночку в дни больших мусульманских рели-

гиозных праздников. В эти дни паломникам никто не препятствует, в среднем на каждом таком празднике бывает до 30 человек».²⁹ В 2004 г. Центральным духовным управлением мусульман России и Духовным управлением мусульман Республики Башкортостан у мавзолея Хусейн-бека организовали первый сход мусульман Республики Башкортостан в память ученого и просветителя Хусейн-бека. В последующем сход стал ежегодным, собирая верующих не только Башкортостана, но и соседних регионов. Кроме ежегодных официальных мероприятий, по сведениям местных жителей, на объект в течение года приходят паломники, оставляющие монеты и по несколько раз обходящие археологический памятник.

Мавзолей Тура-хана находится северо-восточнее деревни Нижние Термы (Чишминский район). Памятник впервые описан в 1772 г. П. И. Рычковым. В 1975–1976 гг. мавзолей под руководством Е. Л. Хворостовой реставрирован, а в 1985 г. обследован Г. Н. Гарустовичем. Усыпальница имеет портално-купольную форму, основание которой представляет собой квадрат, длина стены — 6,6 м, толщина — 1,1 м. Мавзолей сложен из известняковых плит на известняковом растворе. В 1976 г. во время реставрации внутри мавзолея найдены остатки захоронения в деревянном гробовище. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. У ног обнаружены остатки ткани, видимо, от одежды, окаймленной тканью с орнаментом в виде кружков. По стилю это архитектурное сооружение датируется XIV в.³⁰

До середины XX в., наряду с мавзолеем Хусейн-бека, данный памятник был одним из объектов паломничества мусульман. В последствии он утратил свою значимость. В последние же два десятилетия, по сведениям местных жителей, интерес к памятнику со стороны паломников возродился. Его ежедневно посещают люди, а в выходные и праздничные дни количество посетителей доходит до нескольких десятков.

Мавзолей Бэндебике расположен на восточной окраине села Максютново (Кугарчинский район), в центре современного кладбища. Открыт в 1966 г. и исследован в 1968–1969 гг. Н. А. Мажитовым. Сооружение имело

²⁷ См.: Гарустович Г. Н. Погребения в каменных мавзолеех Башкирского Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. 1995. Вып. 1. С. 166–185.

²⁸ См.: Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996. С. 146, 147.

²⁹ Цит. по: Хабибуллина З. Р. Паломничество мусульман к могилам «святых» в поле деятельности уполномоченного Совета по делам религиозных культов в БАССР // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чт-ия: материалы междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2015. С. 202.

³⁰ См.: Археологические памятники Башкортостана. С. 145–146.

прямоугольную форму, длина сторон 8,6 м и 6,9 м. Стены толщиной 1,1 м сложены из сырца и облицованы обожженным кирпичом. В ходе раскопок в погребальной камере, обложенной известняковыми плитами, обнаружен костяк взрослой женщины. На дне сохранились остатки бересты и зольная подсыпка. Вещей не обнаружено. Захоронение совершено по мусульманскому обряду. Комплекс датируется XIV в.³¹

По преданию, в мавзолее захоронена почитаемая башкирами женщина, призывавшая своего мужа Ерэнсэ-сэсна жить в дружбе и мире с казахами.³² Данных о паломничестве или о совершаемых у мавзолея обрядах до начала XXI в. не выявлено. В мае 2013 г. мавзолеей вошел в программу тура суфийского шейха-проповедника ордена Накшибандия Мехмета Адила, после чего археологический памятник начал притягивать к себе паломников, которые оставляют монеты и по несколько раз обходят сооружение.

Подводя итоги, отметим, что выделенные модели сакрализации археологических объектов весьма условны и их границы размыты. Сложность даже первичной классификации заключается в активной трансформации представлений населения о святости объекта. В одном объекте могут сочетаться признаки нескольких моделей сакрализации (например, аулия, лечебная и метеорологическая магия и пр.). Даже предварительная статистическая обработка материалов и картографирование комплексов указывают на чрезвычайную пе-

строту, динамичность и сложность происходящих процессов, что обусловлено, вероятно, высокой чувствительностью к внешним регуляторам.

Фиксируемые процессы сакрализации протекают в Башкортостане неравномерно. Наиболее широко эти процессы сегодня фиксируются на юго-востоке — в Башкирском Зауралье. Одной из особенностей данного процесса в этом регионе является внедрение в общественное сознание эзотерических (иррационально-мистических) составляющих, базовым проводником которых выступают маргинальные религиозные объединения. В целом, для большинства обследованных археологических объектов характерна стихийность формирования сакрального ареала, конструирование абсолютно искусственных представлений, поддерживаемых при этом мусульманским духовенством, а часто и властными структурами. Речь идет о таких объектах, как могила Урал-батыра, могила Ермака, могила сахабов на горе Нарыстау, могила святого на горе Ауштау и др.

Рассматриваемые явления, безусловно, требуют дополнительных исследований, а сходство этих процессов на различных археологических объектах по всему миру свидетельствует о глобальности кризиса традиционных (устоявшихся) духовных ценностей, когда люди в поисках духовной опоры обращаются к новым или возрождаемым религиозным системам, часто дающим простые и понятные ответы на вызовы современного мира.

Albert T. Akhatov

Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center of the RAS (Russia, Ufa)
E-mail: bertik@mail.ru

Ilshat I. Bakhshiev

Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center of the RAS (Russia, Ufa)
E-mail: ibahsh@gmail.com

Aynur I. Tuzbekov

Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center of the RAS (Russia, Ufa)
E-mail: tuzbek.80@mail.ru

³¹ Там же. С. 199

³² См.: Бэндэбика и Ерэнсэ-сэсэн // Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 204–206.

ROLE OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE FORMATION OF NEW SACRAL SPACES OF THE SOUTHERN URAL

The article deals with the formation of new sacred places around the objects of archaeological heritage in the South Urals. There are certain differences in perception of the very process of archaeological sites' sacralization from the point of view of archeologists, ethnographers and culture experts. Based on the materials of 2012–2015 field studies some sacral loci, which took shape during the last decades within the borders of the Republic of Bashkortostan, have been identified. The dominant archeological sites' sacralization model was the traditional cult of a holy person — Aulia grave with various modifications among which the most popular one was a warrior-defender's grave model. The regional specificity of the above mentioned processes was manifested mainly in a spontaneous nature of the sacred site's origination; construction of artificial, admittedly false ideas supported by Muslim clergy and, quite often, by the local authorities; marginal religious groups, the so called sects, often acted as the driving forces of these processes.

Keywords: *South Ural, sacralization, archaeological sites*

REFERENCES

- Absalyamova Yu. A. *Dozhdevye kamni bashkir* [Rain stones of Bashkir]. Prostranstvo etnosa v sovremenom mire. Sbornik materialov I Mezhdunarodnogo kongressa. 29–31 oktyabrya 2014 goda [Space of Ethnos in the modern world. Collection of materials of the 1st International congress. October 29–31, 2014]. Grozny: Chechenskiy gos. Uni. Publ., 2014, pp. 154–158. (in Russ.).
- Aminev Z. G. *Abdulkadir Inan o kamne yada i ob obryadakh vyzhyvaniya dozhdy* [Abdulkadir Inan about a stone of poison and ceremony of evocation of rain]. Akhnaf Kharisov i aktualnyye problemy bashkirskoy filologii. (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya). Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [Akhnaf Harisov and actual problems of the Bashkir philology. (To the centenary of birth). Materials of the All-Russian scientific and practical conference (with the international participation)]. Ufa: IYal UNTs RAS Publ., 2014, pp. 249–251. (in Russ.).
- Andreeva Yu. O. «Mesta sily», «dukhi dolymenov» i «znaniya pervoistokov»: arheologicheskie pamyatniki i dvizhenie New Age «Anastasiya» [“Places of force”, “spirits of dolmens” and “knowledge of primary sources”: archaeological monuments and movement New Age “Anastasiya”]. Etnograficheskoe obozrenie, 2014, no. 5, pp. 73–87. (in Russ.).
- Arkheologicheskie pamyatniki Bashkortostana* [Archaeological monuments of Bashkortostan]. Ufa: Gilem Publ., 1996. 280 p. (in Russ.).
- Arkheologiya v sovremennoy kulture Rossii (regionalnyye aspekty): «kruglyy stol», p. Arkaim, 22–23 avgusta 2007 g.: materialy zasedaniy* [Archaeology in the Russian modern culture (regional aspects): “a round table”, Arkaim village, on August 22–23, 2007: materials of meetings]. Chelyabinsk: Krokus Publ., 2008. 108 p. (in Russ.).
- Belolipetskaya N. A. *Zapovednik Arkaim: osobennosti vzaimootnosheniya muzeya i obshchestva* [Arkaim Reservation: Particularities of the Relationship between the Museum and the Society]. Etnograficheskoe obozrenie, 2010, no. 4, pp. 69–77. (in Russ.).
- Garustovich G. N. *Pogrebeniya v kamennykh mavzoleyakh Bashkirskogo Priural'ya* [Burials in stone mausoleums of the Bashkir Transurals region]. Nasledie vekov. Okhrana i izuchenie pamyatnikov arkheologii v Bashkortostane, no. 1. Sbornik statey [Heritage of centuries. Protection and studying of monuments of archaeology in the Bashkortostan. Issue 1. Collection of articles]. Ufa: Natsionalnyy muzey, Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane pamyatnikov Publ., 1995, pp. 166–185. (in Russ.).
- Garustovich G. N. *Osobennosti rasprostraneniya islama sredi bashkir v epokhu srednevekovyya* [Features of Islam distribution among the Bashkir population during the Middle Ages]. Ufimskiy arheologicheskiy vestnik, 2013, no. 13, pp. 137–143. (in Russ.).
- Khabibullina Z. R. *Palomnichestvo musulyman k mogilam «svyatykh» v pole deyatelnosti upolnomochennogo soveta po delam religioznykh kulytov v BASSR* [Pilgrimage of Muslims to graves of “Saints” in the field of activity of the Council for the Affairs of Religious Cults in BASSR]. Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: Chetvertye Kuzeevskie chtneiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Ethnos.

Society. Civilization: The 4th Kuzeevskiye readings. Materials of the International scientific conference]. Ufa: Poligrafservis Publ., 2015, pp. 201–204. (in Russ.).

Khasanova Z. F. *Atributy doislamskikh verovaniy v bytu i khozyaystvennoy deyatelynosti bashkir Beloretskogo rayona Respubliki Bashkortostan* [Attributes of pre-Islamic beliefs in life and economic activity the Bashkir of the Beloretsk district of the Republic of Bashkortostan]. *Islamskaya tsivilizatsiya v Volgo-Uralyskom regione: sbornik materialov IV Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Islamic civilization in the Volga-Ural region: collection of materials of the 4th International symposium]. Ufa: RITs BashGU Publ., 2010, pp. 269–272. (in Russ.).

Kupriyanova Ye. V. *Zapovednik «Arkaim» i problemy populyarizatsii arkheologii na Yuzhnom Urale* [Arkaim reserve and problems of the popularization of archaeology in Southern Ural]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 12 (341), *Istoriya*, vol. 60, pp. 22–29. (in Russ.).

Leskovar J. *Neopaganism, archaeological content and the belief in “Celts”*. *Appropriate narratives: Archaeologists, publics and stories*. Budapest: Archaeolingua, 2013, pp. 185–199. (in English).

Mikhaylov D. A. *Altayskiy natsionalizm i arkheologiya* [Altai nationalism and archaeology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 1, pp. 37–51. (in Russ.).

Petrov F. N. *Poselenie Arkaim v nauchnoy i nauchno-populyarnoy literature* [Settlement Arkaim in scientific and popular literature]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2015, no. 2, pp. 167–176. (in Russ.).

Petrov F. N., Kirillov A. K. *Issledovaniya megaliticheskogo kompleksa Akhunovo v 2003 g.* [Researches of a megalytic complex of Akhunovo in 2003]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*, 2007, no. 6/7, pp. 19–23. (in Russ.).

Potemkina T. M. *Megaliticheskie sooruzheniya Urala: struktura sakralynogo prostranstva* [Megalitic constructions of the Urals: structure of the sacral space]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2011, no. 2 (15), pp. 11–35. (in Russ.).

Savelyev N. S. *Malye kulytovye obyekty Yuzhnogo Urala: ot arkheologii k etnograficheskoy sovremennosti* [Small cult objects of South Ural: from archeology to the ethnographic present] // *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevneyshikh vremen do serediny XVI v.)* [Documents and materials on history of the Bashkir people (since the ancient times to the middle of the 16th century)]. Ufa: IYAL UNTs RAS Publ., 2012, pp. 128–166. (in Russ.).

Seleznev A. G. *Islamskie kulytovye komplekсы astana v Sibiri kak ierotopii: sakralynye prostranstva i religioznaya identichnosty* [Islamic Siberian cult complexes of astana as hierotopy: sacral spaces and religious identity]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2013, no. 2 (21), pp. 111–119. (in Russ.).

Serikov Yu. B. *Kameny Dyrovatyy — unikalnoe peshchernoe svyatilishche na r. Chusovoy (pervye rezulytaty issledovaniy)* [Dyrovaty Stone — a unique cave sanctuary on the Chousovaya river (the first results of researches)]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 1996, no. 4, pp. 121–140. (in Russ.).

Shnirelyman V. A. *Arkaim i Stounkhendzh mezhdru proshlym i budushchim* [Arkaim and Stonehenge between the Past and the Future]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 19–40. (in Russ.).

Shtyrkov S. A. *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krestyyanskiy narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoy Novgorodchiny)* [Legends about overseas invasion: a country narrative and mythology of a landscape (on Northeast Novgorodchina's materials)]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2012, 228 p. (in Russ.).

Silina V. Ye. *Kulytovaya deyatelynosty netraditsionnykh religioznykh dvizheniy na territorii zapovednika «Arkaim»* [Cult activity of nonconventional religious movements in the territory of the “Arkaim” reserve]. *Religioznoe mnogoobrazie Uralyskogo regiona. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Religious diversity of the Ural region. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Orenburg: IPK «Universitet» Publ., 2014, pp. 211–223. (in Russ.).

Tishkin A. A. *Sovremennaya sakralizatsiya arkheologicheskikh pamyatnikov v Tsentralynoy Azii* [Modern sacralization of archaeological monuments in Central Asia]. *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Political anthropology of traditional and modern societies: Materials of the International conference]. Vladivostok, 2012, pp. 398–407. (in Russ.).

Tuzbekov A. I. *Kamni v ritualynoy praktike tyurkskogo naseleniya Yuzhnogo Urala* [Stones in the ritual practice of the Turkic population of South Ural]. *Vestnik Permskogo universiteta, Istoriya*, 2015, no. 1 (28), pp. 151–157. (in Russ.).

Tuzbekov A. I., Bakhshiev I. I. *Obyekty arkheologicheskogo naslediya Bashkirskogo Zauralyya v sovremennoy ritualynoy praktike yugo-vostochnykh bashkir* [Objects of archaeological heritage of the Bashkir

Trans-Ural in modern ritual practice of southeast Bashkir]. *Islam i gosudarstvo v Rossii: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 225-letiyu Tsentralnogo dukhovnogo upravleniya musulyman Rossii — Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya*. Ufa, 22 oktyabrya 2013 g. [Islam and the Government in Russia: the collection of materials of the International scientific and practical conference devoted to the 225 anniversary of Central Muslim Spiritual Board of Russia — The Orenburg Muslim Spiritual Assembly. Ufa, on October 22, 2013]. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat Publ., 2013, pp. 99–102. (in Russ.).

Usmanov M. A. Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.: «Sbornik letopisey», «Daftar-i Chingis-name», «Tavarikh-i Bulgariya». *Tatarskie shadzhara* [Tatar historical sources of the 17–18th centuries: “Collection of chronicles”, “Daftar-i Chingis-name”, “Tavarikh-i Bulgariya”. Tatar shadzhara]. Kazany: Kazanskiy gos. Uni. Publ., 1972. 223 p. (in Russ.).

Vieira A. *Christian religious landscape and earlier archaeological evidence in Trás-os-Montes e Alto Douro (Portugal)*. *Journal of Iberian Archaeology*, 2009, vol. 12, ADECAP, pp. 42–54. (in English).

Zhernosenko I. A., Baturina M. M. *Kompleksnye issledovaniya svyashchennykh obyektov Karakolyskoy doliny* [Complex research of sacred objects of the Karakol valley]. *Yezhekvartalnyy mezhdunarodnyy zhurnal obshchestvennykh nauk «Karadeniz — Black Sea — Chernoe more» (Turtsiya)* [The quarterly international magazine of social sciences “Karadeniz — Black Sea — the Black Sea” (Turkey)], 2013, no. 20, pp. 128–148. (in Russ.).



Коллективные моления на Ильчигуловском IV могильнике
(с. Ильчигулово, Миякинский район, Республика Башкортостан).
Фото А. И. Тузбекова, май 2015 г.



Молитва у одиночного кургана Суруманово-1
(д. Сураманово, Учалинский район, Республика Башкортостан).
Фото А. И. Тузбекова, июнь 2014 г.